

Жизнь за полчаса

Вот он, старый дом на окраине парка Тяхтвере, калитка, дорожка, дверь. Поднимаюсь по просторной прохладной лестнице, нажимаю звонок и впервые думаю, что о многих из тех, чьи прикосновения помнит эта старая кнопка, я знаю только по книжкам.

► Дверь распахивается, прервав мои неуместные размышления, и Павел Семенович делает шаг назад, приглашая войти. Вспоминаю эту его привычку — собеседник наступает, Рейфман сохраняет дистанцию. Протянув руку с цветами, нарушаю границу и торопливо кладу букет на тумбочку. Теперь можно и поздороваться. Рейфману на днях восемьдесят, но в присутствии этого прямого старика самой снять шубу было бы неприлично. Мы проходим в комнату и садимся за стол. Павел Семенович избавляет меня от необходимости задавать дурацкие вопросы, я просто включаю диктофон и готовлюсь слушать. Но многолетняя привычка работы с аудиторией дает себя знать: «Я и студентам всегда говорю: я могу этот курс прочитать за два года а могу — за полчаса. У вас, я полагаю, двух лет нет?».

Рейфман рассказывает, как, уйдя в 1941 году в Ленинградское ополчение, прошел всю войну. Говорит, что 9 мая всегда отмечал и будет отмечать, на кафедре русской литературы это каждый год большой праздник...

Вспоминает, как оказался в Тарту: сначала в учительском институте по рекомендации Юрия Михайловича Лотмана. А затем — в университете. Чтобы поступить работать на кафедру, где, по мнению начальства, «и так много евреев», потребовались «очень веские» рекомендации. Павел Семенович привез отзыв Корнея Чуковского...

Но особенно оживает мой собеседник, когда разговор касается университета, в котором он и в свои восемьдесят читает лекции.

«Я вообще-то хотел говорить о своем курсе, который вот уже второй год читаю докторантам и магистрантам: история цензуры. Любовь Николаевна Киселева, наша завкафедрой, вспомнила, что когда я у них на четвертом курсе читал историю журналистики, я касался цензуры, и это, по ее словам, было очень интересно. И она предложила мне такой курс... Мы планировали его ориентировочно на полгода, но вот читаю... второй год. В прошлом году — история русской цензуры, а сейчас — курс советской цензуры, и это чрезвычайно интересно. Если считать с сороковых годов, я просто многое помню. Но я очень многого не знал, и это, по-моему, и актуально, и интересно. Слушатели — магистранты и докторанты. Я им сказал, что они могут в любой момент прервать этот курс — если дважды на занятия придет меньше такого-то количества человек, мы будем считать, что курс прерван. Но вот пока ходят.

Есть в планах новейшая цензура? Очень даже есть. Если я не смогу уместиться, а надо весной закончить, я просто пропущу целый ряд тем — брежневские времена, андро-

повские, хрущевские, и начну современную цензуру.

Этот курс я бы начал года с 1986-го, то есть с тех пор, как что-то такое начало ощущаться после прихода к власти Горбачева. Очень любопытно сейчас читать выступления тех, кто считал, что с цензурой покончено и воцарится благодать, и искренне в это верили. Я скептически был к этому настроен с самого начала, у меня таких радужных представлений не было: достаточно вспомнить, как информировали нас о Чернобыле.

Ни на СНГ, ни на Эстонию курс новейшей цензуры я бы расширять не стал, все-таки я читаю историю русской и советской цензуры, а затем то, что было при Ельцине.

Лариса Ильинична Вольперт, супруга, коллега и единомышленник профессора Рейфмана: «Павел Семенович просто несколько чокнутый на этом курсе. А все дело не в том, что он читает аспирантам и магистрантам, он как бы заново переживает жизнь. Он просто листает ее во второй раз. Он снова себя обретает...»

Нет ли чувства горечи, обманутости от того, что в свое время именно «благодаря» цензуре я чего-то не понял, не оценил? У меня все время ощущение, что я чего-то не понял, весь новый материал, который я узнаю, вызывает это ощущение, но вот сожаления у меня нет — я получаю удовольствие от того, что все не совсем так, а сложнее, противоречивее.

Наверно, стань я журналистом, относился бы к цензуре иначе, но я, проучившись два года, уже после войны, на отделении журналистики Ленинградского университета, просто оттуда удрал, поняв, чем мне предстоит заниматься. Меня, помнится, даже лишили за это повышенной стипендии. Однако я продолжал заниматься историей журналистики, писал и кандидатскую, и докторскую диссертацию, именно на эту тему — история журналистики. Очень интересная тема. Я начинал с двух утверждений: первое — что это вторая древнейшая профессия, а второе — что, несмотря на все искажения, журналистика — зеркало действительности. Если читать не только то, что написано, но и то, что за этим стоит. Это касается прежде всего газет, а не толстых журналов. Газета — очень яркая картина действительности.

Верю ли я в необходимость цензуры, так сказать, в интересах читателя? Пожалуй, нет.

Я иногда очень злюсь, читая какой-то материал, бывают же просто непорядочные материалы, но в жизни вообще много непорядочного. Так что главная цензура все-таки внутренняя. Как и свобода, разве нет?»

Записала Яна ЛИТВИНОВА

Вл. ШАТУНОВ

Поздравляем с юбилеем!

Павлу Семеновичу Рейфману, профессору-эмеритусу кафедры русской литературы Тартуского университета, исполняется 80 лет. Всем, кто знает и любит Павла Семеновича, хочется выразить ему свое уважение и восхищение.

С какой гордостью мы рассказывали студентам других факультетов о том, что мы учимся у П.С. Рейфмана, хотя к нему на практическое занятие нужно было приходиться тщательно подготовленным или вообще не приходиться, а сдать экзамен, по словам старшекурсников, практически невозможно. Наше смешанное чувство страха, гордости и уважения было далеко не беспричинным — Павла Семеновича нередко можно было встретить в библиотеке, и мы это воспринимали как импульс к действию: если уж Рейфман в библиотеке, то нам-то сам Бог велел заниматься.

От имени всего выпуска 2002 года отделения русской и славянской филологии Тартуского университета сердечно поздравляю Павла Семеновича Рейфмана с 80-летним юбилеем и искренне желаю ему творческого вдохновения, неиссякаемого трудолюбия и настойчивости, которым можно только позавидовать. Здоровья Вам, дорогой Павел Семенович!

Анна-Мария НИЗОВЦЕВА,
выпускница отделения русской и славянской филологии
Тартуского университета 2002 года.